

Александр ОЖИГАНОВ
(Искандер АДЖИГАН)

Из книги «БАЯН. Восточно-западный диван»

Вступление Сергея Стратановского

Подборка стихотворений, предлагаемая здесь читателям «Волги» – из очень необычной книги. Называется она «Баян» и писалась она в Самаре (тогда Куйбышеве) с 1980 по 1985 год без какой-либо надежды на публикацию. Ее автор, поэт Александр Ожиганов, принадлежал к т. н. «второй», или неофициальной, культуре, которую с легкой руки перестроечных журналистов стали именовать андеграундом. В советское время ни одной его строчки не было и не могло быть опубликовано. Первая публикация состоялась лишь в 1992 году в «Волге» (№2) с предисловием петербургского поэта Виктора Кривулина. Потом были публикации (не только стихи, но и статьи) в самарском периодическом издании «Цирк “Олимп”»). При жизни Ожиганова вышли три его книги: «Трещотка» (М., 2002), «Ящеро-речь» (М. – Тверь, 2005), «Утро в полях» (Самара, 2012). Уже после смерти поэта, в петербургском издательстве «Пальмира», в серии «Часть речи» вышло «Шестикнижие», а сейчас в том же издательстве готовится еще одна его книга¹, включающая три неизданных самиздатских сборника, в том числе и «Баян». Для желающих узнать об Ожиганове больше рекомендую свою статью «Ящеро-речь» в 7-м номере журнала «Звезда» за 2021 год².

«Баян» абсолютно оригинальная, как по замыслу, так и по исполнению книга, представляет собой сплав собственных стихов автора, написанных, однако, как бы не от себя, а от лица некоего Искандера Аджигана, и переводов (или переложений?) стихов арабских, персидских, индийских поэтов, а также некоторых сур Корана. Как объяснял сам автор, слово «баян» в переводе (с персидского? с арабского?) означает озарение. Но у русского читателя с этим словом связаны совсем другие ассоциации: баян – народный музыкальный инструмент и Боян – певец-сказитель в «Слове о полку Игореве». Обе эти ассоциации, несомненно, учитывались поэтом, но на первом плане для него было озарение: Ожиганов тогда серьезно изучал мусульманскую культуру, увлекся (если этот глагол тут уместен) мистическим движением в исламе – суфизмом. Основная часть «Баяна» – это манифестация духовного пути суфия к Истине.

Именно из этой части взяты публикуемые ниже тексты.

*Когда путей нет внешних – в самом себе ты странствуй,
Как лалу – блеск пусть дарит тебе лучистый свод.
Ты в существе, о мастер, своем открой дорогу –
Так к россыпям бесценным в земле открылся ход.*

Из горечи суровой ты к сладости проникни

¹ Выход книги «Треножник» ожидается в 2022 году. Составление Светланы Варкан, предисловие Сергея Стратановского.

² <https://magazines.gorky.media/zvezda/2021/7/yashhero-rech.html>

ШАРИАТ

I. Хаджж

*Что Кааба для мусульман, то для тебя душа.
Свершай вокруг этой Каабы обход свой не спеша.*

Руми

Первый таваф

1

Сползая вкось по вылизанной змейке,
складной аршин – состав – отмерил ткань.
Игла стучит по черной тюбетейке.
Куда ни ткни – кругом Тмутаракань.

Прибытие – предлог для поворота
кругом: по кругу в миллиард углов.
Тускла засаленная позолота
лепных полустеблей и полуслов.

Смело самумом смысл для бедуина,
звучание – пучком согласных-стрел.
И шепелявит каждая руина
Самары с выщербленным «р».

2

Наплыв венков – щекоткой на губах.
Надрывное гуденье катафалка
гнездится в раструбах и в праздных рукавах
разбитых механизмов луна-парка,

где что-то лязгает, сверкает и шипит
окрошкой Песка, Огня и Сада
и все – суннит ли, суфий ли, шиит –
пестрят, как этикетки лимонада.

Отравлены колодцы вдоль пути.
Щепоткой соли, толикою блажи
удержит дервиш дерганье культи,
ведь на пути Аллаха нет поклажи.

3

Терновник на заброшенном карьере,
синяющий орнаментами сур,
свируп и укреплен, как аль-Мансур,

корнями в реставрируемой вере.

По камешку окрашена в цвета
отцов и вся – ворсинкою к ворсинке –
подобрана... Сорви! – уже не та:
то в меле желтизна сквозит, то в синьке

Не выбелить ракушечный костяк.
не высинить воздушные чешуйки:
горят! И окроплен зеленый стяг
поволжской позолотой желчной шутки.

Второй таваф

1
Сириус направил острие
на мою раскрытую тетрадь.
Если я создание Твое,
что тогда такое благодать?

Утро развернуло ворох лент:
солнце, как султана, величать.
Если я искусный инструмент,
почему тогда на мне – печать?

Вся земля сверкает, как алмаз,
беспросветно в тайниках ума.
Если я – Твой филигранный глаз,
почему во мне такая тьма?

2
Славу былых племен,
пепел становищ их,
сотню Твоих имен,
тысячу звезд Твоих,
праведность чистых жен,
пение райских хур,
светоч священных войн
или полночных сур –
все, что могу назвать,
все я назвал бы. Но
«словом и убивать,
и воскрешать дано...»
Я же, немой имам,
темный шаир песков,
слабость, кичась, придам
сонму сыпучих слов:
каждое – тверже ядр,
а под рукой – ручей.
Пейте! Неверным – яд,
праведным – мед речей.

3

Когда – под пятистопный перестук –
меня размелет мельница разлук,
кому, скажи, понадобится эта
мука – щепоть нерастворимых мук?

Шестой таваф

1

Говорит Искандер Аджиган.
Что индусу – пустой истукан,
что ушкуйнику – полный стакан,
мне – избыток пустыни: обман.

Ложью правды и правдою лжи
замани же, заморози,
спрячь поглубже – и покажи:
нимб – снаружи, внутри – обман!

Возврати выпадающий слог,
чтобы я оглянуться смог.
Слогу – вечность, залогу – срок,
злобе – вещьность, любви – обман.

Обмани же меня, обмани!
Ночи – днями, ночами – дни.
Все блуждающие огни –
маяки мои, капитан...

По наитью – курс на Маристан*.
Красной нитью – сплошной туман.
Колыбель бутафорских ран,
кыбла кыбл – наобум: обман.

**Маристан – сумасшедший дом, от мар – святой*

2

Говорится хикмет о тоске
по уже пролетевшей беде:
если ни в городах, ни в Орде,
ни в суме, ни в уме – нет, то где?

Говорится: беда, мол, черна.
Может быть, так и было – вчера.
Сердце вдруг озарила стрела.
Свет остался, стрелы нет нигде.

Смертоносного света струя

ноет все и звенит, как струна.
Или не пролетела стрела:
все летит и сияет – везде?..

Если свет устремился к звезде
животворной стрелою, то где
быть победе? и где быть беде?..
Говорился хикмет о тоске.

3

Сороковая часть добра – закат:
дырою с дуры, дулей с дурака
баскак сдавил, и вывалил босяк
ему ясак: баклагу языка...

Когда араб гордится красноречьем,
перс мудростью, а тюрк простосердечьем, –
отмалчиваюсь. Похвалиться нечем.
На висельнике – гиря языка.

Цепь натянулась. И оцепенело
на дереве добра сырое тело, –
отмаялось – не вовремя поспело:
спросить «который час?» – нет языка.

А сорок жал шипят, как баклажаны
на противне: «Алля – илля рахманный,
переведи меня на ино – странный
немой, немецкий статус языка!»

Вещь – это весть. Вещественное веще.
Молчание лучом источит вещи.
Но толмачи выхватывают клещи
и расщепляют атом языка.

И в сорок сороков словарь толковый
разбух славянофильскою коровой
и, целое толкуя как целковый,
кладет на зуб лопатой языка...

Баскак, возьми целковый! Иляллах,
возьми свое – все сорок в тороках! –
не век мне быть в долгах, в шелках, в словах
на сорока немецких языках.

II. Хал

Полушария глаз видны
лишь с одной стороны луны.
Только любящий, как лунатик,
смотрит с внутренней стороны.

2

Опять вы на меня сердиты: «Чуть что – выходит из себя!..»
Змея цепляется за плиты и вот – выходит из себя.
Сок винограда в бочках бродит, и космос из себя выходит,
и – весь в росе! – бутон закрытый с утра выходит из себя!

3

Нет читателей? – экое горе!
Мой читатель – Эгейское море,
тайный друг, россамаха и мак...
Мой читательский круг – Зодиак.

4

Аруд и кафия стиха – все окончательно забыто.
Ты хороша или плоха, – мной окончательно забыто.
Беспамятствуя буду плыть: там берег «знать», здесь берег «быть»...
И где зерно, где шелуха? – мной окончательно забыто!

5

Уходит... уходит земля из-под ног...
Не перешагнуть через низкий порог!
Летит голова, как ядро Галилея,
которым играл механический бог.

6

«Горопись, спеши, как будто у тебя одна минута!» –
понукает проповедник беззастенчиво и круто.
Но Аллах, какие бредни! – я не знаю миг последний:
каждый миг живу я вечно чередой несчетных суток!

7

Будда, Христос и Аллах.
Все обращается в прах,
если какое-то имя
будит свирепость и страх.

8

Дает обет пустынный и аскет.
Но вне обетов и аскез поэт.
На что бы он в пути ни оглянулся, –
на все и так отказ, на все запрет!

9

Не верь ничему. Лишь неверью доверься.
Ни снам, ни уму – лишь неверью доверься.
О чем там трубят? кто на рынках судачит?..
Закройся в дому и неверью доверься!

10

Лишь неверующий доверчив. Подозрение – веры плод.
И доверчиво так заверчен вечный двигатель – небосвод...

Свой хорал о Дверях и Рае семицветный волчок играет,
славя смысл бессловесной Речи тверди, тварей, дерев и вод.

11

Ты указал мне, сух и строг,
сдвиг ударения на слог:
«Лейли, – сказал ты. – А не Лейла...»
Да, здесь я ошибиться смог!

12

Двенадцать девиц, недотрога – одна.
Двенадцать кострищ, а дорога – одна.
Есть дюжина средств стать слугой падишаха.
Возможность стать стражником Бога – одна.

13

Не поклонился Адаму Иблис.
Бог рассердился – толкнул его вниз.
Можно понять возмущенье шайтана:
«Не поклоняться кумиру клялись!»

Из «Глоссария»

Аджиган – Огненный Змей
аль-Мансур – халиф
аруд и кафия – форма и содержание
Баян – Откровение (ясная речь)
дервиш – нищий (странств. монах)
диван – собрание стихов
Иблис – дьявол
Кааба – мечеть с Черным камнем в Мекке
кыбла – направление на Мекку
Огонь – ад
Песок – земной мир
Сад – рай
суннит – ортодокс в исламе
суфий – мистик в исламе
таваф – ритуальный обход
хаджж – паломничество
хал – озарение, просветление
хикмет – «изречение», жанр филологического стих.
хур – гурия
шариат – законодательство, первый этап Пути
шаир – поэт
шайтан – черт
шиит – сторонник Али